

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

ЗОВ КТУЛХУ

Говард Филлипс Лавкрафт

Зов Ктулху

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136485
Зов Ктулху. Рассказы. Повести: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50666-8

Аннотация

«Человеческий разум не способен разобраться в своей сущности, и, полагая, мы должны благодарить природу за ее милосердие. Мы живем на блаженном острове невежества среди черных морей бесконечности, которые нам едва ли суждено переплыть. Науки устремились каждая в своем направлении и не принесли нам особого вреда. Но когда-нибудь, систематизируя обрывки знаний, мы обнаружим чудовищные сферы действительности и поймем, сколь ничтожно в них наше место. От этого мы либо сойдем с ума, либо поспешим скрыться от мертвенного света познания и отыщем спасение в безопасном мирке нового Средневековья...»

Содержание

I. Ужас, запечатлевшийся в глине	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Говард Филлипс Лавкрафт

Зов Ктулху

...Возможно, эти могучие силы, или сущности, предвещают возрождение давно минувшей эры, когда жизни были свойственны очертания и формы, возникшие задолго до явления человечества... Память об этих формах сохранилась лишь в поэзии и легендах, где они превратились в богов, чудовищ и героев различных мифов.

Алджернон Блэквуд

I. Ужас, запечатлевшийся в глине

Человеческий разум не способен разобраться в своей сущности, и, полагая, мы должны благодарить природу за ее милосердие. Мы живем на блаженном острове невежества среди черных морей бесконечности, которые нам едва ли суждено переплыть. Науки устремились каждая в своем направлении и не принесли нам особого вреда. Но когда-нибудь, систематизируя обрывки знаний, мы обнаружим чудовищные сферы действительности и поймем, сколь ничтожно в них наше место. От этого мы либо сойдем с ума, либо поспешим скрыться от мертвенного света познания и отыщем спасение в безопасном мирке нового Средневековья.

Теософы догадывались о пугающих масштабах космического цикла, в которых наша земля и человечество всего лишь временные и случайные величины. В их учении глухо упоминалось о грядущих воскрешениях, и от этих туманных двусмысленных определений перехватывало дыхание и застывала кровь в жилах, да теософы и не пытались казаться оптимистами. Но единственный намек на скрытую в глубинах времени эпоху поступил не от них. Я подумал об этом послании, и меня пробрала дрожь, а попытавшись вообразить, что за ним стоит, чуть не лишился рассудка. Подобно всем отблескам истины, он дал о себе знать, когда разнообразные явления внезапно оказались связанными воедино. В данном случае искра сверкнула от заметки в старой газете и записок недавно умершего профессора. Надеюсь, что никому больше не придет в голову их соединять, и могу поклясться, что до конца своих дней не добавлю нового звена в столь жуткую цепь. Мне кажется, профессор тоже решил сохранить в тайне все, что ему довелось узнать, и уничтожил бы свои записки, но скоропостижная кончина разрушила его планы.

Однако начну по порядку. Я услышал об этом зимой 1926/27 года, после смерти моего двоюродного дяди, профессора в отставке Джорджа Грэммела Энджелла. Прежде он преподавал языки семитской группы в университете Браун в Провиденсе, на Род-Айленде. Профессор Энджелл считался блестящим знатоком древних надписей, и директора

крупнейших музеев часто приглашали его для консультаций. Естественно, что его смерть в возрасте девяноста двух лет не прошла незамеченной, а ее странные обстоятельства привлекли к ней особое внимание. На профессора напали, когда он возвращался на лодке из Ньюпорта. По словам очевидца, он упал, столкнувшись с негром, похожим с виду на моряка. Тот внезапно появился из какого-то темного двора за крутым склоном холма, протянувшегося от берега к особняку профессора на Уильям-стрит. Врачи не смогли обнаружить следов какой-либо болезни и после долгих споров сошлись на том, что спуск с холма тяжело дался столь глубокому старику и у него усилилась сердечная недостаточность. Тогда их вердикт не вызвал у меня возражений, но позднее я усомнился в нем, а быть может, испытал и более тревожное чувство.

Как наследник и душеприказчик моего двоюродного дяди – он умер бездетным вдовцом, – я мечтал заняться разборкой его архива и перевез в мой бостонский дом множество папок и картотек. Впоследствии американское Археологическое общество опубликовало целый ряд проверенных и отредактированных мной материалов, но один ящик с документами показался мне захватывающе интересным, и я решил его никому не показывать. Он был заперт, и я долго не мог найти ключ, пока не додумался осмотреть карманы его костюма. Там я и отыскал кольцо с ключом. На сей раз мне повезло больше: я думал отпереть ящик, но столкнулся с куда

более сложной и неразрешимой проблемой. Мне было неясно, почему там хранится глиняный барельеф, а рядом с ним лежат листы бумаги с краткими бессвязными выписками и вырезки из газет. Зачем он собрал и спрятал эти страшные свидетельства? Неужели на склоне лет мой дядя стал по-детски наивен и дал себя одурачить? Подумав, я заключил, что всему виной эксцентричный скульптор, нарушивший душевный покой старика.

По форме барельеф представлял собой грубо высеченный прямоугольник не более дюйма в объеме и около пяти или шести дюймов в длину.

Очевидно, он был создан совсем недавно, хотя его стиль свидетельствовал скорее об архаике. В подобной примитивно-гротескной манере работали многие кубисты и футуристы, однако им упорно не давалась загадочная симметрия, характерная для искусства Древнего мира. А барельеф изумлял именно своей симметрией. Я уже подробно ознакомился с документами и коллекцией дяди, но не смог припомнить изображений такого рода, и скульптура не вызвала у меня даже отдаленных ассоциаций.

Среди непонятных надписей отчетливо выделялась фигура в импрессионистском стиле. Я так и не понял, что она означает. Похоже, это было какое-то чудовище, и придумать его могло лишь больное воображение. У меня достаточно богатая и вольная фантазия, и если я скажу, что фигура походила одновременно на осьминога, дракона и карикатурного

человека, то не погрешу против истины. Чешуйчатое тело с крыльями венчала голова, усеянная щупальцами. Изображение внушало ужас, и я чуть было не оцепенел. Позади чудовища высилась циклопическая глыба.

Пространное описание этого барельефа лежало отдельно от газетных вырезок. Судя по всему, профессор Энджелл завершил свое исследование незадолго до смерти и не успел отредактировать далекий от совершенства стиль. Большая глава, которой он явно придавал особое значение, называлась «Культ Ктулху», но в аккуратно отпечатанном тексте это неудобопроизносимое имя почти не фигурировало. Глава состояла из двух частей – первая была озаглавлена «1925. Сны и творческие прозрения Г. Э. Уилкокка, проживающего по адресу: Томас-стрит, 7, в Провиденсе на Род-Айленде», а вторая – «Сообщение инспектора Джона Р. Леграсса из Бьенвилля, 121, в Новом Орлеане на конференции американского Археологического общества в 1908 г. и доклад профессора Уэбба на ту же тему». Далее в кратких заметках цитировались теософские книги и журналы (например, «Атлантида, или Потерянная Лемурия» В. Скотт-Эллиота), пересказывались странные сны разных людей или говорилось о существовании тайных обществ, переживших века, об их символике, культах и ритуалах. Профессор постоянно ссылался на «Золотую ветвь» Фрэзера и «Магические обряды в Западной Европе» мисс Мари, то есть на фундаментальные труды по мифологии и антропологии. А в подборке газетных

статей прослеживались вспышки душевных заболеваний и проявлений массового психоза или маний весной 1925 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.